

DOI: 10.31857/S013038640010320-0

© 2020 г. К. В. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯДРА И ПЕРИФЕРИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Миньяр-Белоручев Константин Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).
E-mail: conbel@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исторической эволюции взаимодействия ядра и периферии системы международных отношений. Возникновение системности в отношениях между государствами и формирование первой полноценной системы датируется серединой XVII в. Появившаяся после Тридцатилетней войны Вестфальская система была схематичной и не в полной мере реализовывала системные возможности международных отношений. В ее рамках за пределами Европы отсутствовали независимые акторы (до получения независимости США) и не было внеевропейских периферийных подсистем. Венская система имела значительно более высокий уровень организации и более сложную структуру. В XIX в. система международных отношений и ее ядро активно расширяются, усложняются взаимоотношения как между странами ядра, так и на периферии, в рамках системы возникают новые подсистемы. Возникшая после Первой мировой войны Версальско-Вашингтонская система охватила весь мир и стала первой глобальной системой. Она отличалась сложной организацией и низким уровнем устойчивости к проявлению насилия и его крайней формы – войны. Ялтинско-Потсдамская система стала первой биполярной системой. Основным объектом соперничества сверхдержав на данном этапе оказалась вчерашняя колониальная периферия, освободившаяся в рамках процесса деколонизации. С окончанием «холодной войны» на смену биполярности пришел Новый мировой порядок («плюралистическая однополярность»). Он характеризуется в том числе интенсивными интеграционными процессами и вооруженными конфликтами на периферии с активным участием государств ядра. Общая схема организации системы международных отношений и характер взаимодействия ядра и периферии претерпели длительную эволюцию. Магистральное направление – пространственный рост системы и усложнение ее структуры, сопровождавшиеся расширением и усложнением как ядра, так и периферии, а также усилением роли периферии, что проявлялось в том числе посредством формирования региональных подсистем.

Ключевые слова: история международных отношений – теория международных отношений – международная система – Вестфальская система, Венская система, Версальско-Вашингтонская система, биполярная система, постбиполярная система – ядро (центр) и периферия.

K. V. Minyar-Beloruhev

Interaction of Core and Periphery of the International System: Historical Analysis

Konstantin Minyar-Beloruhev, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: conbel@mail.ru

Abstract. The article is devoted to historical analysis of the core-periphery interaction within the international system. The Peace of Westphalia ushered in the international system as a phenomenon and engendered the first international system in history. The system of Westphalia was not elaborate in its structure and organization and did not demonstrate the full potential of an international system. The system of Vienna had a higher level of organization and a more elaborate structure. The expansion of the international system in the nineteenth century was accompanied by the growth of its core. At the same time, interaction became more complicated both within the core and on the periphery where new subsystems emerged. The system of Versailles encompassed the whole world and became the first global international system. This system had both an elaborate structure and a low level of sustainability toward the manifestations of violence. The international system created at Yalta and Potsdam became the first bipolar system based on adversarial relationship of the two leading powers. The bipolar system was replaced by the New World Order. It is also characterized by the intensive regional integration and armed conflicts on the periphery in which core states are actively engaged. Mainstream direction of this evolution is the expansion of the international system and elaboration of its structure accompanied by growth and elaboration of both core and periphery, as well as the increase of the importance of the periphery manifested among other things through the creation and development of the regional subsystems.

Keywords: history of international relations – international relations theory – international system – Westphalian state system, Vienna system, Versailles system, Bipolar system, Post-Bipolar system – core-periphery model.

В исследованиях по международным отношениям важное место занимает проблема структуры системы международных отношений и соотношения составляющих ее частей – ядра и периферии, а также способов их взаимодействия. Теоретические вопросы взаимодействия ядра и периферии системы международных отношений рассмотрены нами в отдельной статье¹. На основе парадигмы ядро (центр) – периферия и концепции региональных подсистем были разграничены понятия «ядро» и «центр» и выделены различные виды периферии.

Система международных отношений не может существовать без ядра, в отсутствии которого она распадется на изолированные части (таким образом, ядро выполняет системообразующую функцию), а отношения ядра и периферии носят неравноправный характер и представляют собой отношения подчинения. Центр системы международных отношений структурируется в форме подсистемы (центральная подсистема), в роли же ядра выступает совокупность ведущих мировых держав – ядро и центр тем самым частично пересекаются и дополняют друг друга, составляя так называемый центральный сектор.

Как центральный сектор, так и периферия не гомогенны ни по структуре, ни по мощи или влиянию входящих в их состав держав. На периферии могут

¹ Миньяр-Белоручев К. В. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия // Новая и новейшая история, 2019, № 6, с. 5–18.

использоваться различные формы оформления международных отношений. Наличие сложившейся региональной подсистемы свидетельствует о высокой степени структурированности международных отношений в регионе; там, где полноценная подсистема не сформирована, международные отношения выстраиваются в виде регионального аспекта (одной из форм которого является региональный аспект колониального вопроса). Региональные подсистемы строятся по иерархическому принципу, при этом отдельные подсистемы могут включать подсистемы второго уровня (субрегиональные подсистемы).

В ходе проведенного исследования были обозначены следующие виды периферии: внутренняя и внешняя, общая, ближняя и дальняя, верхняя, колониальная и контактная. Под внутренней периферией понимается часть центральной подсистемы, не входящая в ее ядро; внешняя периферия объединяет пространство, расположенное за пределами центральной подсистемы. Территории, находящиеся вне общесистемного ядра, можно обозначить как общую периферию. Периферию каждой подсистемы (включая центральную) в зависимости от ее удаленности от ядра соответствующей подсистемы можно разделить на ближнюю и дальнюю. В качестве верхней периферии выступают государства, не входящие в состав общесистемного ядра, но являющиеся частью ядра центральной подсистемы или занимающие лидирующее место в периферийных подсистемах. Наконец, колониальная периферия объединяет колониальные или зависимые владения; контактная периферия в свою очередь представляет зону взаимодействия государств, входящих в систему международных отношений, с пребывающим за ее пределами «внешним миром» (колониальная и контактная периферии характерны для ранних стадий международных отношений и сегодня отсутствуют).

Таким образом, теоретические построения выступают основой для практического изучения сменяющих друг друга систем международных отношений и исторического анализа, позволяющего применить теоретические наработки для детального рассмотрения конкретно-исторических ситуаций и событий, включая распределение ролей между ядром и различного рода перифериями.

Точкой отсчета становления системности в международных отношениях является Вестфальский мир 1648 г. Важнейшим фактором, обусловившим возникновение системности в межгосударственных отношениях, стало «появление у ведущих стран четких, долговременных осознанных правящими элитами государственных интересов», что «внесло в международные отношения известную стабильность и предсказуемость». С этого времени «борьба за реализацию государственных интересов превращается в главную силу развития международных отношений»². Первая в истории международная система отличалась достаточно схематичным характером и неполной реализацией всех доступных на сегодня функциональных возможностей системы международных отношений. Центральное место в рамках Вестфальской системы занимала западноевропейская подсистема, лидеры которой, Франция, Австрия, Англия и Нидерланды, составляли общесистемное ядро. Претензии Франции как наиболее сильной державы на гегемонию встречали активное сопротивление других членов ядра. Результатом стала серия войн в эпоху Людовика XIV, центральное место среди которых занимала война за испанское наследство. В состав центральной подсистемы также входили Испания, Португалия, независимые германские и итальянские государства, однако они играли ограниченную роль в международной жизни, составляя внутреннюю периферию

² Манькин А. С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Основы общей теории международных отношений. Под ред. А. С. Манькина. М., 2009, с. 43, 45.

международной системы. Внешняя периферия была достаточно слабо структурирована — на момент формирования Вестфальской системы существовала лишь одна периферийная подсистема, балтийская, лидер которой, Швеция, не входил в общесистемное ядро, представляя собой верхнюю периферию. Более 70 лет после Вестфальского мира западноевропейская и балтийская подсистемы функционировали автономно (хотя отдельные государства могли одновременно относиться к обеим подсистемам). Так, в начале XVIII в. в Европе параллельно шли два крупных международных конфликта: война за испанское наследство и Северная война. Основными итогами последней стали потеря Швецией особого статуса в балтийском регионе, интеграция балтийской подсистемы в западноевропейскую (с этого времени ее корректно именовать европейской), а также вхождение России в состав общесистемного ядра. Среди других важных событий в рамках Вестфальской системы необходимо отметить выход из состава ядра международной системы Нидерландов (по итогам войны за испанское наследство) и вхождение в его состав Пруссии во второй четверти XVIII в.

Отсутствие в Вестфальской системе независимых акторов за пределами Европы препятствовало формированию новых региональных подсистем — структурирование внеевропейской периферии осуществлялось посредством региональных аспектов колониального вопроса. Колониальная периферия была неоднородной по своему составу. Западное полушарие представляло собой постоянно расширяющуюся зону сплошной (переселенческой) колонизации. Здесь имели владения Испания, Португалия, Англия, Франция, Нидерланды, Дания. Тем самым субъектами отношений в Западном полушарии выступали не только державы ядра международной системы, но и представители внутренней периферии. При этом американская колониальная периферия состояла из трех взаимопересекающихся регионов (Северная Америка; Центральная Америка и Карибский бассейн; Южная Америка), каждому из которых соответствовал отдельный региональный аспект международных отношений. Владения европейцев в Африке и Азии носили преимущественно точечный характер: торговые фактории и форты, находившиеся в зоне взаимодействия Вестфальской системы с внешним миром (независимые от европейцев внутриконтинентальные районы Азии и Африки). Таким образом, в указанных регионах колониальная периферия одновременно являлась и контактной. Увеличение европейских владений в Азии в XVIII в. (в первую очередь в Индии, ставшей объектом англо-французского соперничества) означало расширение системы международных отношений и ее колониальной периферии. В рамках Вестфальской системы колониальная периферия была тесно связана с центральной подсистемой — все важнейшие военные конфликты в последней находили продолжение на внешней периферии: в Северной и Южной Америке, в Карибском бассейне, в Индии. Англо-голландские войны, войны за пфальцское, испанское, польское, австрийское наследство, Семилетняя война имели один или несколько колониальных фронтов, а территориальные изменения на колониальной периферии по итогам указанных конфликтов были гораздо более значительны, чем в центральной подсистеме.

Вектор развития Вестфальской системы определялся отношениями между великими державами (государствами ядра), объектом взаимодействия которых выступала как центральная подсистема, так и внешняя периферия. При этом развитие центра системы и колониальной периферии определялось через соперничество различных держав: в европейской подсистеме ключевую роль играло вначале противостояние Франции и Австрии (до середины XVIII в.), а затем — Австрии и Пруссии (во второй половине XVIII в.), в то время как развитие колониальной периферии осуществлялось вначале через противоборство Англии и Голландии

(до третьей четверти XVII в. включительно), которому затем на смену пришло англо-французское соперничество (с конца XVII в.).

Образование на территории колониальной периферии первого независимого государства (США), с одной стороны, свидетельствовало о высоком уровне развития североамериканских колоний Великобритании, но с другой — стало возможным благодаря поддержке, которую восставшие колонисты получили в центре международной системы. В асимметричном конфликте 13 североамериканских колоний и Великобритании (колониальная периферия против ведущего государства ядра) на стороне американцев выступило другое государство ядра — Франция (помощь Испании и Голландии, не входивших в ядро, не имела самостоятельного значения), что стало ключевым фактором победы будущим США. Однако появлению в регионе одного независимого актора было недостаточно для формирования полноценной региональной подсистемы, и североамериканская периферия продолжала структурироваться в качестве регионального аспекта (правда, уже не колониального) международных отношений.

Начало Великой французской революции, открывшее длительный период глобальных потрясений и конфликтов, означало крах Вестфальской системы международных отношений. Во время революционных и наполеоновских войн произошли серьезные перегруппировка сил и качественные изменения на международной арене. Системность в международных отношениях была нарушена стремлением революционной, а затем и наполеоновской Франции военным путем установить свою гегемонию в Европе. Внешняя периферия тоже не осталась вне конфликта, при этом развитие периферии определялось событиями в центральном секторе. Наиболее важными событиями за пределами Европы стали захват Великобританией колониальных владений Франции и ее вынужденного союзника Нидерландов по всему миру; попытка Наполеона восстановить французскую колониальную империю в Америке, закончившаяся продажей Луизианы Соединенным Штатам; начало борьбы за независимость в испанских владениях в Латинской Америке, точкой отсчета которой послужил захват Наполеоном Испании; англо-американская война 1812–1815 гг., ставшая итогом реакции США на события в Европе. Расстановку сил на международной арене на протяжении всего периода французских революционных и наполеоновских войн можно обозначить следующим образом: Франция против всех остальных держав ядра (некоторые из них на непродолжительное время оказывались в роли вынужденных союзников Франции). Попытки Франции создать новую систему международных отношений под своей гегемонией потерпели крах, но было расчищено поле для новой модели системного взаимодействия, оформленной в виде Венской системы.

Венский конгресс закрепил баланс сил, сложившийся в Европе после победы над Наполеоном. По сравнению с предшествующей Вестфальской Венская система отличалась более высокой степенью организации и более сложной структурой. Европейская подсистема сохранила свое центральное место в рамках новой модели международных отношений. Без изменений остался список государств, составляющих ядро международной системы — Великобритания, Россия, Австрия, Пруссия, а также Франция, вернувшая себе место в ядре по итогам Аахенского конгресса 1818 г.; при этом состав общесистемного ядра и ядра центральной подсистемы полностью совпал. В рамках ядра ведущая роль принадлежала Великобритании (относительная гегемония), позиции которой основывались на безусловном доминировании на периферии международной системы, а также на господстве на море. Вплоть до середины XIX в. развитие центральной подсистемы характеризовалось консервацией сложившегося баланса сил (принцип сохранения статус-кво), что наиболее ярко проявилось в 1820–1840-х годах в ходе трех «волн» революций.

Рассматривая Венскую систему в парадигме ядро (центр) – периферия, необходимо выделить следующие моменты ее развития. Во-первых, происходят два раунда расширения общесистемного ядра и изменения его конфигурации, первый из которых пришелся на 1850-е – начало 1870-х годов (объединение Германии и Италии, внутреннее переустройство Австрийской монархии), второй – на рубеж XIX–XX вв. (вхождение в ядро двух неевропейских держав – США и Японии, представлявших периферийные подсистемы). Во-вторых, идет процесс структурирования международных отношений на периферии. С одной стороны, происходит формирование региональных подсистем на внешней периферии. В начале 1820-х годов в Северной Америке оформилась первая неевропейская региональная подсистема (лидерство в которой в середине XIX в. захватывают США). Во второй трети XIX в. складывается южноамериканская подсистема, находящаяся под внешней гегемонией Великобритании. На рубеже XIX–XX вв. континентальная Центральная Америка и независимые островные государства Карибского бассейна входят в состав североамериканской подсистемы (в качестве отдельной субрегиональной подсистемы), лидерство в которой прочно удерживали Соединенные Штаты. На рубеже XIX–XX вв. возникает восточноазиатская подсистема. С другой стороны, в конце 1870-х годов на ближней периферии складывается субрегиональная подсистема (в рамках центральной подсистемы) на Балканах. В-третьих, смещается зона колониальной периферии: первая волна деколонизации, завершившаяся в середине 1820-х годов, выводит континентальную Латинскую Америку из колониальной периферии; основными объектами колониальных притязаний и соперничества в XIX в. становятся Африка, Южная и Юго-Восточная Азия, Австралия и юго-восточный сектор Тихого океана, при этом обострение колониальной гонки приходится на последнюю треть XIX в. В-четвертых, продолжается пространственное расширение международной системы путем приращения периферии. Расширение международной системы могло идти за счет либо роста колониальной периферии (к началу XX в. Африка практически целиком оказалась под властью европейцев), либо включения в состав системы независимых игроков, ранее находившихся за ее пределами (Османская империя в первой половине 1830-х, Китай в начале 1840-х, Япония в середине 1850-х годов, Иран на рубеже XIX–XX вв.). Накануне Первой мировой войны Венская система международных отношений охватывала весь мир.

Наиболее универсальным инструментом изменения места в иерархии в международной системе выступала победа в военном конфликте. Объединение Италии означало появление в Европе нового члена общесистемного ядра. Франко-прусская война ликвидировала последние препятствия для объединения Германии, чьи позиции в ядре международной системы существенно укрепились по сравнению с Пруссией, также входившей в состав общесистемного ядра. Победа в войне с Мексикой позволила США стать лидером североамериканской подсистемы и частью верхней периферии; победа над Испанией в 1898 г. ознаменовала вхождение США в общесистемное ядро. Япония после победы над Китаем вошла в ядро восточноазиатской подсистемы и стала частью верхней периферии, успех в русско-японской войне означал включение Японии в общесистемное ядро.

В рамках Венской системы проявляется асимметричное соперничество на внешней периферии, когда одной стороной в конфликте выступало государство ядра, а другой – представитель региональной подсистемы, не входивший в общесистемное ядро. Такого рода противостояния далеко не обязательно заканчивались в пользу глобального игрока, несмотря на его преимущество в политической и военной мощи, а также статусе, в силу недостатка мотивации из-за низкого уровня приоритетности данного периферийного конфликта в силу наличия у указанного

игрока значительной сферы ответственности и интересов в других частях периферии, которые требовали ресурсов и имели больший приоритет. Примером подобного асимметричного соперничества служит столкновение интересов Великобритании и США в Северной Америке в середине 1840-х годов. Объектом соперничества выступали территории Орегона и Техаса. Соединенным Штатам удалось добиться от Великобритании наиболее благоприятных условий размежевания в Орегоне, а также обеспечить невмешательство Великобритании в конфликт с Мексикой, вызванный стремлением США аннексировать мексиканские территории (несмотря на то что целью британского правительства являлось помешать территориальной экспансии США в Северной Америке). Соединенные Штаты продемонстрировали готовность к использованию силовых методов, вплоть до открытого военного конфликта (война США с Мексикой в 1846–1848 гг.), в то время как у Великобритании на повестке дня стояло множество гораздо более актуальных вопросов в разных частях периферии (Китай, Афганистан, Индия, Южная Африка, Ирландия). При этом речь идет не о поражении Великобритании, а о мотивированной уступке.

На рубеже XIX–XX вв. основные конфликты в рамках Венской системы были обусловлены противоречиями между государствами ядра, но главным объектом их соперничества оставалась периферия, как колониальная, так и неколониальная, причем за исключением Балкан периферия внешняя. Основные узлы противоречий локализовались в следующих регионах: Балканы (австро-русские и англо-русские), Ближний Восток (англо-германские), Средняя Азия (англо-русские), Дальний Восток (англо-русские и англо-американские), Африка (англо-французские и англо-германские). Если англо-французские и англо-русские противоречия были урегулированы за счет взаимных уступок (в первую очередь в пользу англичан), то англо-германские противоречия, напротив, приобрели общесистемный характер: в Англии Германия рассматривалась не как соперник в каком-либо определенном регионе, а как держава, готовая бросить вызов гегемонии Великобритании в целом.

Первая мировая война знаменовала крушение Венской системы. Хотя участниками войны были все восемь государств ядра, неевропейские державы, входившие в ядро, приняли ограниченное участие в конфликте. В первую очередь это был конфликт в рамках центральной подсистемы (точкой отсчета которого стало столкновение в балканской субрегиональной подсистеме), ставший итогом противоречий между ведущими европейскими державами и распространившийся на весь мир в силу той роли и влияния, которыми обладал европейский центр в системе международных отношений. Не случайно Япония, вступившая в войну в августе 1914 г., ограничилась захватом германских владений на Дальнем Востоке и ультиматумом Китаю («Двадцать одно требование» 1915 г.); США вступили в войну в апреле 1917 г., но полномасштабное участие армии США в боевых действиях началось лишь в конце мая 1918 г. Конфликт носил ярко выраженный неравновесный характер: с одной стороны оказались только два государства ядра (Германия и Австро-Венгрия), с другой – все остальные (хотя степень их вовлеченности в войну была различной), что в значительной степени предопределило его итог.

Международно-правовое оформление Версальско-Вашингтонской системы происходило на двух международных конференциях – Версальской и Вашингтонской. По сравнению с предшествующими моделями международных отношений Версальско-Вашингтонская система оказалась наименее устойчивой и просуществовала лишь два десятилетия, тем не менее она была более сложной по своей структуре и уровню, чем прежние международные системы. Центральное место в рамках новой модели осталось за европейской подсистемой, внутри

которой можно выделить две субрегиональные подсистемы, балканскую и центральноевропейскую. Второй по значимости стала восточноазиатская (азиатско-тихоокеанская) подсистема, которую А. Д. Богатуров характеризует в качестве «самой центральной среди окраинных» и второй по своему мирополитическому значению после европейской³. Число государств общесистемного ядра вначале сократилось за счет ликвидации Австро-Венгрии, а также искусственного удаления Советской России и Германии, однако достаточно скоро (в середине 1920-х годов) СССР и Германия вернули себе место в ядре, причем не военными, а дипломатическими методами. Как и ранее, два государства ядра не входили в состав европейской подсистемы (США и Япония), из семи государств ядра пять являлись участниками восточноазиатской подсистемы (все, кроме Германии и Италии).

Главным претендентом на роль гегемона в европейской подсистеме выступала Франция, используя в качестве инструмента доминирования систему союзов с государствами внутренней периферии — с опорой на балканскую и центральноевропейскую субрегиональные подсистемы. Подобные устремления Франции встречали противодействие как со стороны Германии, имевшей собственные притязания на лидерство, так и со стороны Великобритании, которая ставила своей целью не допустить доминирования в Европе какой-либо одной континентальной державы. Значительное количество противоречий существовало на периферии центральной подсистемы: в балканской и центральноевропейской субрегиональных подсистемах, что было связано со значительными изменениями границ в указанных субрегионах по итогам Первой мировой войны. В восточноазиатской подсистеме претендентов на лидерство было три — Великобритания, США и Япония. Главным объектом соперничества в регионе с конца XIX в. продолжал оставаться Китай.

Новая региональная подсистема сформировалась на Ближнем Востоке. Ее участниками наряду с региональными государствами являлись две державы ядра — Великобритания и Франция, представленные своими зависимыми владениями (подмандатными территориями). Лидирующие позиции в ближневосточной подсистеме занимала Великобритания (типичный пример внешней гегемонии). В западном полушарии, где продолжали существовать две региональные подсистемы (североамериканская и южноамериканская), происходит дальнейшее расширение влияния США. Главной ареной соперничества и борьбы за региональную гегемонию между США и Великобританией в данный период стала Южная Америка. В наиболее крупных региональных конфликтах межвоенного периода в Южной Америке (Чакская война между Парагваем и Боливией в 1932–1935 гг. и Летисийская война между Колумбией и Перу в 1932–1933 гг.) США занимали активную позицию (хотя напрямую не вмешивались в вооруженное противостояние); другим важным инструментом распространения политического влияния США являлся Панамериканский союз. 1930-е годы стали ключевым периодом, когда внешняя гегемония в южноамериканской подсистеме переходит от Великобритании к США.

Колониальная периферия по-прежнему занимала значительную часть международной системы. По итогам Версальского договора Великобритания и Франция не только сохранили, но и упрочили свое положение ведущих колониальных держав — в качестве инструмента передела колоний была использована мандатная система Лиги Наций. Если Африка, Южная Азия и колониальные владения на островах Карибского бассейна представляли собой региональные аспекты колониального

³ Богатуров А. Д. Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002, с. 114.

вопроса (при этом в Африке независимые государства присутствовали в виде отдельных «вкраплений»), то на Ближнем и Дальнем Востоке в рамках Версальско-Вашингтонской системы колониальная периферия встраивались в соответствующие региональные подсистемы.

В рамках Версальско-Вашингтонской системы основные противоречия между государствами ядра локализовались в двух региональных подсистемах, центральной и восточноазиатской; за их пределы соперничество практически не выходило. За исключением Дальнего Востока, внешняя периферия, а также периферия колониальная в 1920–1930-х годах практически не были зонами противостояния государств ядра. Нарастание кризисных явлений в рамках Версальско-Вашингтонской системы связано с притязаниями Германии и Японии на гегемонию в Европе и на Дальнем Востоке соответственно. Первоначальными объектами экспансии являлись периферийные районы соответствующих подсистем: Австрия, Чехословакия и Испания – для Германии, Манчжурия и Внутренний Китай – для Японии. Отдельно необходимо упомянуть агрессию Италии в Эфиопии (внешняя периферия) и Албании (внутренняя периферия). Самостоятельно противостоять агрессии государств ядра указанные периферийные страны не могли, а другие государства ядра не считали нужным вмешиваться в локальные, по их мнению, конфликты.

Нежелание и неготовность давать отпор агрессорам, стремление вместо этого «умиротворить» их стали ключевыми элементами вызревания Второй мировой войны. Две фактически изолированных серии локальных конфликтов в разных концах планеты слились в единую мировую войну, когда в противоборство оказались вовлечены другие государства ядра. Если Первая мировая война являлась внутренним европейским конфликтом, вышедшим за пределы Европы, то Вторая мировая стала первым в полном смысле слова глобальным, общемировым и общесистемным конфликтом.

Вторая мировая война, как и предшествующие конфликты, в рамках которых осуществлялась смена моделей международных отношений, носила неравновесный характер: трем государствам ядра (державы «оси») противостояли четыре остальных (антигитлеровская коалиция), обладавшие превосходящим совокупным потенциалом. Последним из государств ядра, вступившим в войну, стали Соединенные Штаты (декабрь 1941 г.). В рамках антигитлеровской коалиции три государства ядра, США, Великобритания и СССР, приняли полноценное участие в войне на обоих театрах военных действий (Европа и Северная Африка; Восточная Азия и Тихий океан), в то время как все государства «оси» ограничивались одним из указанных театров. Крах нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии стал точкой отсчета для формирования новой системы международных отношений.

Основы конфигурации новой модели международных отношений были заложены в 1945 г. на конференциях в Ялте и Потсдаме. Неформальные договоренности не были закреплены в официальных документах, однако вместе с событиями, обозначившими начало «холодной войны», они определили вектор развития системы международных отношений на ближайшие 45 лет. По своей конфигурации Ялтинско-Потсдамская система кардинально отличалась от своих предшественниц. Если Вестфальская, Венская и Версальско-Вашингтонская системы являлись многополярными и основывались на принципе баланса сил между государствами ядра, то Ялтинско-Потсдамская система стала перовой и пока что единственной биполярной системой международных отношений.

Структурные отличия касались как центрального сектора, так и периферии. Заметно изменились состав и конфигурация ядра новой системы международных

отношений. Во-первых, ее ядро сократилось за счет выхода из его состава держав-агрессоров (Германия, Италия, Япония), во-вторых, оно стало двухуровневым из-за немалой разницы в военно-политическом потенциале входивших в его состав сверхдержав, осуществлявших совместную конфронтационную гегемонию (США и СССР), и двух традиционных великих держав (Великобритания и Франция). Лишь в 1970-х годах в ядро вошла еще одна великая держава (Китай).

Не менее существенные изменения коснулись центральной подсистемы. Не вызывает сомнений, что в рассматриваемый период европейская подсистема разделилась на две — западно- и восточноевропейскую. Однако среди ученых нет единства мнений относительно границ и состава центральной подсистемы в период «холодной войны». Наиболее традиционный подход предполагает в качестве центральной западноевропейскую подсистему⁴. Сложность заключается в том, что в этом случае обе державы-гегемона (США и СССР) оказываются вне центральной подсистемы. Сторонники другой точки зрения исходят из того, что после Второй мировой войны Западная Европа вместе с Соединенными Штатами и Канадой объединились в североатлантическую подсистему. Ее структурообразующим стержнем стал Североатлантический договор и НАТО, игравшие особую роль в эпоху «холодной войны» — в этом случае можно говорить о том, что Западная Европа функционировала в качестве субрегиональной подсистемы в рамках североатлантической подсистемы. Главный довод в поддержку этой позиции касается институционализированного военного сотрудничества в рамках НАТО и постоянного присутствия в Западной Европе американских вооруженных сил⁵. В пользу данного подхода можно привести геополитические построения Х. Маккиндера и Н. Спикмена, согласно которым Северная Атлантика, традиционно являвшаяся непреодолимым барьером между Европой и Америкой, в середине XX в. превратилась в так называемый Срединный океан, объединяющий земли по его берегам в единый североатлантический регион⁶.

Вне зависимости от того, какую подсистему рассматривать в качестве центральной, доминирующие позиции в ней принадлежали Соединенным Штатам (на правах внешнего или внутреннего гегемона). Наряду с США еще два участника ядра центральной подсистемы входили в состав общесистемного ядра — Великобритания и Франция. Достаточно скоро в ядро центральной подсистемы (но не в общесистемное ядро) вошли Германия и Италия, заняв, таким образом, место на верхней периферии. Безусловное лидерство Соединенные Штаты демонстрировали еще в двух региональных подсистемах — северо- и южноамериканской (при этом в Южной Америке США выступали в роли внешнего гегемона). Вокруг еще одного члена общесистемного ядра — СССР — строилась восточноевропейская подсистема, составлявшая костяк социалистического лагеря. Институционально восточноевропейская подсистема структурировалась посредством Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. Из региональных лидеров, формировавших верхнюю периферию необходимо отметить Китай и Японию (восточноазиатская подсистема), Турцию, Ирак, Иорданию, Египет, а также оказавшийся по другую сторону конфликта Израиль (ближневосточная подсистема). Из названных стран лишь Китай со временем смог войти в общесистемное ядро.

⁴ См., например: *Cantori L. J., Spiegel S. L. The International Relations of Regions // Polity, 1970, vol. 2, p. 401–404.*

⁵ *Hoffmann S. Discord in Community: The North Atlantic Area as a Partial International System // International Organization, 1963, vol. 17, p. 523.*

⁶ *Mackinder H. J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs, 1943, vol. 21, p. 595–605; Spykman N. J. The Geography of the Peace. New York, 1944.*

Ареной соперничества сверхдержав стали как центральный сектор международной системы, так и внешняя периферия. Основная «линия разлома» проходила по границе центральной и восточноевропейской подсистем. Наиболее яркими символами размежевания стали словесно обозначенный У. Черчиллем «железный занавес», опустившийся на Европу «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике», и вполне реально выстроенная Берлинская стена. Зоной интенсивных вооруженных конфликтов, отражающих глобальное противостояние США и СССР, стали как уже существующие периферийные подсистемы, так и новые, формирующиеся в результате краха мировой колониальной системы.

На три послевоенных десятилетия пришлось вторая волна деколонизации, в результате которой исчезла колониальная периферия. Вместо нее стали складываться новые региональные подсистемы. Немногочисленные сохранившиеся колониальные владения встраивались в соответствующие региональные подсистемы. Независимость могла достигаться как мирным, так и вооруженным путем. В национально-освободительной борьбе народы периферии неизменно одерживали верх над державами-метрополиями, представлявшими центральную подсистему, как входящими (Франция), так и не входящими в общесистемное ядро (Нидерланды). Деконструирование колониальных империй Великобритании, Франции и Нидерландов привело к возникновению отдельных региональных подсистем в Южной, Юго-Восточной Азии, юго-западной части Тихого океана, а также вхождение новых островных государств Карибского бассейна в североамериканскую подсистему (в качестве отдельной субрегиональной подсистемы).

Наиболее сложна оценка ситуации в Африке, где находились также испанские и португальские владения. Исследователи не пришли к единому мнению, каким образом осуществляется международно-политическое структурирование африканской периферии: образует ли Африканский континент одну региональную подсистему, состоящую из ряда субрегиональных подсистем, или же Африка представляет собой несколько региональных подсистем, находящихся в достаточно тесном контакте. Не меньшие дискуссии вызывает вопрос о количестве, составе и границах африканских региональных (субрегиональных) подсистем. Так, Л. Кантори и С. Шпигель выделяют в Африке пять региональных подсистем (североафриканская, западноафриканская, южноафриканская, центральноафриканская и восточноафриканская)⁷, в то время как У. Зартман, напротив, рассматривает Африку как единую региональную подсистему, состоящую из ряда субрегиональных подсистем⁸. Дискуссия на эту тему во многом лишена смысла — процесс формирования региональных и субрегиональных подсистем на периферии не имеет одномоментного характера и может занимать не одно десятилетие. Африканские государства после обретения независимости оказались в такой же ситуации, через которую полтора века назад прошла Латинская Америка — двустороннее взаимодействие и структурирование международных отношений в форме региональных аспектов.

Общим итогом процесса деколонизации стало изменение способа контроля центрального сектора за внешней периферией. На смену присутствию на периферии в форме территориальных владений пришли новые формы косвенного контроля. Освободившаяся от колониального господства периферия испытывала влияние со стороны бывшей метрополии (британское Содружество наций представляет собой наиболее успешный пример институционализированного постколониального

⁷ Cantori L. J., Spiegel S. L. Op. cit., p. 403–404.

⁸ Zartman I. W. Africa as a Subordinate State System in International Relations // International Organization, 1967, vol. 21, p. 545–564.

сотрудничества), а также являлась объектом соперничества сверхдержав в рамках «холодной войны» (наиболее ожесточенные формы противоборства приняло в Индокитае и на юге Африки).

Внешняя периферия оказалась ключевым объектом соперничества сверхдержав. Наибольшей интенсивностью отличалась борьба за страны, относительно недавно вступившие на путь независимого развития. Во многих регионах логика противостояния «холодной войны» накладывалась на традиционные внутренние конфликты с их собственной внутренней логикой. В первую очередь здесь можно отметить арабо-израильский и индо-пакистанский конфликты, а также ирано-иракскую войну. Примерами проникновения советского влияния на периферию, полностью подконтрольную США, стали ситуации на Кубе (1962 г.), в Чили (1970–1973 гг.), в Никарагуа (1981–1989 гг.).

Отражением возросшей самостоятельности государств периферии и их нежелания ограничиваться «предписанным» им подчиненным положением в международной иерархии стало создание Движения неприсоединения, а также вхождение в 1970-х годах Китая, одного из лидеров периферийной (восточноазиатской) подсистемы, в общесистемное ядро. Не менее симптоматичной оказалась неспособность обеих сверхдержав одержать военную победу в ограниченном асимметричном конфликте на периферии: если США потерпели поражение в войне во Вьетнаме, то СССР был вынужден вывести войска из Афганистана. Оба конфликта развивались в рамках конфронтации «холодной войны», в обоих случаях государства периферии в противостоянии сверхдержавам могли рассчитывать на помощь второй сверхдержавы, но не на прямое военное вмешательство.

Впервые смена модели международных отношений прошла без глобального военного конфликта: падение Берлинской стены ознаменовало окончание «холодной войны» и крушение Ялтинско-Потсдамского миропорядка, точкой отсчета формирования новой конфигурации международных отношений стал распад СССР.

В отличие от прежних моделей международных отношений, формирование постбиполярной системы⁹ не было закреплено в каких-либо официальных документах или неформальных договоренностях. Основные изменения с точки зрения выстраивания взаимодействия в парадигме ядро (центр) – периферия были связаны с самоликвидацией социалистического лагеря и распадом одной из двух сверхдержав эпохи биполярности.

Наиболее серьезные изменения коснулись центрального сектора. Изменилась структура и состав общесистемного ядра. Оно продолжало оставаться двухуровневым: США как единственная сверхдержава и семь великих держав (Россия, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, Китай). Для обозначения сложившейся конфигурации используется понятие «плюралистическая однополярность»¹⁰. Она характеризуется сочетанием лидерства Соединенных Штатов, ушедших в отрыв по совокупности своих возможностей от остальных государств ядра, с усилиями более слабых участников ядра привести американские амбиции в соответствие с собственными устремлениями.

Открытым остается вопрос, какая подсистема выполняет в современном миропорядке функции центральной – европейская, расширившаяся за счет включения государств Центрально-Восточной Европы, в годы «холодной войны»

⁹ Предпринятая в отечественной литературе попытка обозначить ее как Мальто-Мадридская система оказалась безуспешной, предложенное А. Д. Богатуровым наименование «Брюссельско-Вашингтонский порядок» также не получило широкого распространения: *Богатуров А. Д.* Брюссельско-Вашингтонский порядок? // *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Указ. соч., с. 376.

¹⁰ *Богатуров А. Д.* «Плюралистическая однополярность» // Там же, с. 291.

входивших в состав восточноевропейской подсистемы, или же также расширившаяся североатлантическая (частью которой является европейская субрегиональная подсистема). В любом случае, структурирующую функцию центральной подсистемы выполняют Европейский Союз и НАТО. Принципиальные отличия от Ялтинско-Потсдамской системы заключаются в том, что существенно уменьшилась зависимость Европы от НАТО ввиду ликвидации советской угрозы, а также увеличилась степень внутренней сплоченности Европы (создание Европейского Союза на основе Европейского Экономического Сообщества). Все это дает гораздо меньше оснований, чем в период «холодной войны», говорить о наличии отдельной североатлантической подсистемы.

Роспуск социалистического лагеря и распад СССР означали ликвидацию восточноевропейской подсистемы. Государства Центрально-Восточной Европы, а также некоторые бывшие советские республики (прибалтийские государства) стали участниками центральной подсистемы. Одновременно вокруг России складывается новая евразийская подсистема, структурным стержнем которой выступает СНГ (ее обособленным элементом является среднеазиатская субрегиональная подсистема); при этом многие члены евразийской подсистемы ставят своей целью интеграцию в центральную подсистему. Продолжают функционировать североамериканская, южноамериканская, восточноазиатская, южноазиатская и ближневосточная подсистемы, а также региональные подсистемы в Юго-Восточной Азии и юго-западной части Тихого Океана. Более упорядоченным стало международное взаимодействие на Африканском континенте, хотя вопрос о количестве региональных подсистем в этом регионе остается открытым. Отдельные региональные лидеры, представители верхней периферии, все громче заявляют о себе в общемировом масштабе. В первую очередь это касается таких стран, как Индия и Бразилия.

Интенсивность интеграционных процессов в центре международной системы заметно выше, чем на внешней периферии. Наиболее успешный на текущий момент интеграционный проект осуществляется в рамках центральной подсистемы (Европейский Союз). Куда меньшими успехами в области экономической и политической интеграции могут похвастаться зоны свободной торговли в североамериканской подсистеме (северо- и центральноамериканская), южноамериканские интеграционные проекты (Меркосур и Андское сообщество, Союз южноамериканских наций и пришедший ему на смену Форум для развития Южной Америки), интеграционные проекты на постсоветском пространстве (СНГ, ЕврАзЭС, преобразованный в 2014 г. в ЕАЭС, и др.), а также в других частях земного шара.

Новый мировой порядок характеризуется наличием интенсивных вооруженных конфликтов на периферии международной системы. Подобные конфликты имели место как во внутренней периферии (на территории бывшей Югославии), так и во внешней (в Палестине, Персидском заливе, Закавказье). Отличительной особенностью конфликтов на периферии является вмешательство в них государств ядра (вплоть до прямого вооруженного участия) и асимметричный характер противостояния. Наибольшую активность в этом плане проявляют Соединенные Штаты при поддержке Великобритании (операция «Буря в пустыне» в 1991 г.; война в Афганистане в 2001 г.; война в Ираке в 2003 г.), также можно упомянуть военные операции России (Южная Осетия, 2008 г.) и Франции (Мали, 2013 г.). Целый ряд стран (Сирия, Ливия, Иран, Северная Корея) сегодня являются зонами повышенной напряженности и объектами внешнего вмешательства (уже осуществленного или потенциального).

Концепция глобального лидерства США в Новом мировом порядке предусматривает, что Соединенные Штаты должны выступать в качестве лидера не

только системы международных отношений в целом, но и каждой из периферийных подсистем (включая те из них, в которых США напрямую не присутствуют, ограничиваясь той или иной формой вмешательства). Эта концепция была сформулирована сразу после распада СССР и нашла отражение в получившем скандальную известность из-за прямоты изложения официальном внешнеполитическом документе «Рекомендации по оборонному планированию» 1992 г.¹¹ В соответствии с указанным документом основная цель внешней политики США — не допустить появления регионального лидера, способного оспорить американское доминирование не только в мире в целом, но и в любом отдельно взятом регионе земного шара. Наибольшее внимание США должны уделять регионам, имеющим ключевое значение с точки зрения обеспечения американской безопасности: Европа, Восточная Азия, Ближний Восток и Персидский залив, Латинская Америка, а также постсоветское пространство. При этом на Ближнем Востоке Соединенные Штаты прямо зарезервировали для себя роль господствующей внешней державы (внешнего гегемона).

В настоящий момент основной вызов американской гегемонии (как в экономической, так и в военно-политической сферах) исходит со стороны Китая — самого «молодого» государства ядра (если считать по времени пребывания в его составе). Для обеспечения своего доминирования в мире США в качестве инструментов поочередно используют концепции односторонних и многосторонних действий, делая акцент то на элементе однополярности, то на принципах плюралистичности — двух краевых элементах современной системы международных отношений.

Общая схема организации системы международных отношений и характер взаимодействия ядра и периферии прошли длительный путь эволюции за более чем три с половиной столетия, которые отделяют нас от Вестфальского мира. Магистральным направлением развития в рамках сменяющих друг друга систем международных отношений являлись пространственный рост системы и усложнение ее структуры, сопровождавшиеся расширением и усложнением периферии и усилением ее роли, что проявлялось среди прочего в формировании региональных подсистем.

Вестфальская система отличалась схематичностью, системные возможности международных отношений она реализовывала неполно. До обретения независимости Соединенными Штатами в рамках Вестфальской системы отсутствовали независимые акторы за пределами европейского континента и не существовало внеевропейских периферийных подсистем. Ключевую роль играли отношения между государствами ядра — великими державами, объектом взаимодействия которых выступала система в целом (как центральная подсистема, так и внешняя периферия).

Для Венской системы были характерны более высокая степень организации и более сложная структура. Развитие системы шло посредством включения в ее состав новых территорий, расширения общесистемного ядра (как за счет европейских, так и первых неевропейских держав) и структурирования отношений на периферии, где происходило формирование региональных подсистем. На рубеже XIX—XX вв. ведущую роль играли противоречия между государствами ядра, при этом основным объектом соперничества являлась периферия.

Версальско-Вашингтонская система стала первой в полном смысле общемировой (глобальной) международной системой. Несмотря на то, что она была более сложной по сравнению с Вестфальской и Венской (а может, именно потому), эта система оказалась наименее устойчивой и просуществовала лишь два десятилетия.

¹¹ Материалы, касающиеся «Рекомендаций по оборонному планированию» доступны в сети Интернет: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245>; <https://www.archives.gov/files/declassification/isca/pd/2008-003-docs1-12.pdf> (дата обращения 25.01.2020).

Если первые три системы международных отношений являлись многополярными и основывались на принципах баланса сил, то Ялтинско-Потсдамская система стала первой (и пока что единственной) биполярной системой, развитие которой определялось конфронтационным взаимодействием двух сверхдержав — США и СССР. Отличительной особенностью данной системы стало двухуровневое ядро (верхний уровень которого занимали две сверхдержавы) и практически полное исчезновение колониальной периферии (на что ушло всего три десятилетия). Итогом деколонизации стала смена форм контроля за внешней периферией (различные виды косвенного контроля вместо прямого владения) — при этом именно вчерашняя колониальная периферия стала основным объектом борьбы двух сверхдержав.

Отказ от биполярности не привел к возрождению классической многополярности — новый мировой порядок получил обозначение «плюралистическая однополярность». От Ялтинско-Потсдамской системы постбиполярная система унаследовала двухуровневую структуру ядра (на его верхнем уровне находятся США как единственная оставшаяся сверхдержава) и неопределенность относительно того, какая подсистема выполняет функции центральной — европейская или североатлантическая. Из характерных черт нынешней международной системы необходимо также отметить активные интеграционные процессы (как в центре, так и на периферии системы) и вооруженные конфликты на периферии, активными участниками (прямыми или косвенными) которых являются государства ядра.

Более 20 лет назад Збигнев Бжезинский с уверенностью давал Соединенным Штатам три десятилетия мировой гегемонии. При этом Бжезинский утверждал, что «США не только первая и единственная сверхдержава в мировом масштабе, но, вероятнее всего, последняя», предполагая, что на смену американскому лидерству придет некий коллективный гегемон¹². Три четверти указанного срока уже позади. Насколько стабильной является существующая система международных отношений, сколько времени она будет существовать и какая мирополитическая конфигурация придет вслед за ней — ответы на эти вопросы сможет дать только время.

Библиография

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2003.

Богатуров А. Д. Брюссельско-Вашингтонский порядок? // *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002, с. 373–377.

Богатуров А. Д. «Плюралистическая однополярность» // *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002, с. 283–296.

Богатуров А. Д. Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002, с. 112–128.

Манькин А. С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // *Основы общей теории международных отношений.* Под ред. А. С. Манькина. М., 2009, с. 39–77.

Миньяр-Белоручев К. В. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия // *Новая и новейшая история,* 2019, № 6, с. 5–18.

¹² *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2003, с. 231, 248, 254.

- Cantori L. J., Spiegel S. L.* The International Relations of Regions // *Polity*, 1970, vol. 2, p. 397–425.
- Hoffmann S.* Discord in Community: The North Atlantic Area as a Partial International System // *International Organization*, 1963, vol. 17, p. 521–549.
- Mackinder H. J.* The Round World and the Winning of the Peace // *Foreign Affairs*, 1943, vol. 21, p. 595–605.
- Spykman N. J.* The Geography of the Peace. New York, 1944.
- Zartman I. W.* Africa as a Subordinate State System in International Relations // *International Organization*, 1967, vol. 21, p. 545–564.

References

- Bogaturov A. D.* Briussel'sko-Vashingtonskii poriadok? [Brussels-Washington Order?] // *Bogaturov A. D., Kosolapov N. A., Khrustalev M. A.* Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii [Essays on Theory and Policy Analysis of International Relations]. Moskva, 2002, p. 373–377. (In Russ.)
- Bogaturov A. D.* Pliuralisticheskaia odnopolianost' [Pluralistic Unipolarity] // *Bogaturov A. D., Kosolapov N. A., Khrustalev M. A.* Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii [Essays on Theory and Policy Analysis of International Relations]. Moskva, 2002, p. 283–296. (In Russ.)
- Bogaturov A. D.* Sistemnyi podkhod i evoliutsiia mezhdunarodnykh otnoshenii v XX veke [System Approach and Evolution of International Relations in 20th Century] // *Bogaturov A. D., Kosolapov N. A., Khrustalev M. A.* Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii [Essays on Theory and Policy Analysis of International Relations]. Moskva, 2002, p. 112–128. (In Russ.)
- Brzeziński Z.* Velikaia shakhmatnaia doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Manykin A. S.* Sistemnost' v mezhdunarodnykh otnosheniakh: sodержanie, prichiny formirovaniia i etapy razvitiia [Systemicity in International Relations: Content, Causes of Building, and Stages of Development] // *Osnovy obshchei teorii mezhdunarodnykh otnoshenii*. Pod red. A. S. Manykin [Basics of the General Theory of International Relations. Ed. by A. S. Manykin]. Moskva, 2009, p. 39–77. (In Russ.)
- Minyar-Beloruichev K. V.* Iadro i periferiia sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii: kharakter vzaيمodeistviia [Core and Periphery of the International System: Types of Interaction] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History], 2019, № 6, p. 5–18. (In Russ.)
- Cantori L. J., Spiegel S. L.* The International Relations of Regions // *Polity*, 1970, vol. 2, p. 397–425.
- Hoffmann S.* Discord in Community: The North Atlantic Area as a Partial International System // *International Organization*, 1963, vol. 17, p. 521–549.
- Mackinder H. J.* The Round World and the Winning of the Peace // *Foreign Affairs*, 1943, vol. 21, p. 595–605.
- Spykman N. J.* The Geography of the Peace. New York, 1944.
- Zartman I. W.* Africa as a Subordinate State System in International Relations // *International Organization*, 1967, vol. 21, p. 545–564.